Переводчик: BinBin92 Редактор: EllisBLV13

"Игрок покинул платформу на тридцать одну секунду. Пожалуйста, вернитесь на платформу в течение минуты".

Когда голос диктора затих, замолчал и бумажный журавлик.

Хэй Цзэцзи дал Линь Саньцзюй лишь несколько советов. Он не знал, что за противник и с какой ситуацией Лин Саньцзюй придется иметь дело, поэтому решил, что лучше всего будет просто дать ей общее представление. В любом случае, у Лин Саньцзюй не оставалось другого выбора. Журавль был единственным, на что она могла положиться.

"Все активные навыки имеют недостатки. В этом мире не существует совершенных способностей и особых предметов", - повторяя про себя эти слова, Лин Саньцзюй быстро остыла. Потратив несколько секунд на то, чтобы успокоиться, она, сузив глаза, наблюдала за королем Генрихом и его [Пикассо].

Значит, недостаток этой особой способности - "область?".

fre□□□□n□v□l.c□□

Если бы [Пикассо] мог продлеваться бесконечно, то постчеловек, замаскированный под короля Генриха, давно бы уже стал властелином мира. Тем не менее, король Генрих был крайне осторожен. Он использовал [Пикассо] вокруг себя, чтобы действовать как идеальный щит, который полностью защищал его от любых возможных атак. Даже если Лин Саньцзю успешно разгадала недостаток [Пикассо], как она могла использовать слабость, чтобы разрушить идеальный щит короля Генриха?

Глубоко вздохнув, Лин Саньцзюй закрыла глаза, вспоминая урок, который преподал ей Хэй Цзэцзи.

"Когда вы видите лес, море или скалистый берег, вы, естественно, думаете, что это части "окружающей среды", поэтому они являются частью природы. Дерево, море, скалы: все они - творения этой планеты. Однако не забывайте, что мы, люди, тоже родились на этой планете, так почему же вы должны отделять себя от окружающей среды?".

Когда Линь Саньцзюй вошла в состояние гиперчувствительности, она почувствовала сильную боль, пронизывающую все нервные окончания ее тела, на короткую секунду, после чего она медленно отступила. Затем из глубины ее тела появилось более примитивное, твердое чувство. Это был голос ее тела, который постоянно посылал ей обнаруженную им информацию. Однако она могла эффективно интерпретировать эту информацию только после того, как вошла в гиперсенсорное состояние.

Поэтому, несмотря на то, что Лин Саньцзюй держала глаза закрытыми, область [Пикассо] была для нее намного понятнее, чем когда глаза были закрыты.

Оптическая иллюзия, вызванная [Пикассо], могла обмануть глаза, но она никогда не могла обмануть кожу, поры или волосы. Они безошибочно передавали все, что чувствовали, в сознание человека.

Лин Саньцзюй, словно прикоснувшись к плохо сделанной скульптуре, полностью понимала, что происходит внутри "Пикассо", и прекрасно знала, какая часть обвалилась, какая поднялась, а какая отодвинулась. Это было настолько захватывающее чувство, что она просто не могла от него отстраниться. Она настолько погрузилась в это ощущение, что почти забыла об ограничении времени и о противнике перед ней.

Когда ритм ее дыхания замедлился, боковой дворец погрузился в странную тишину.

Если бы королю Генриху не нужно было держать руки в воздухе, чтобы поддерживать [Пикассо], он бы опустил их, чтобы протереть глаза, чтобы не попасть под какую-нибудь иллюзию.

Линь Саньцзюй стояла прямо перед ним. Это было то, что его сетчатка приняла и передала мозгу. Несмотря на это, его глаза, казалось, непроизвольно пропускали Лин Саньцзюй. Словно она была не его врагом, а свечой, ковром или столбом, не стоящим его внимания.

Было несколько случаев, когда королю Генриху приходилось отрываться от подсознательного игнорирования Линь Саньцзюй и снова искать ее. Но она не двигалась с места.

Она была настолько невидима, что ее едва можно было заметить. В уголках губ Линь Саньцзюй появилась улыбка.

"Когда ты начнешь понимать, что ты - часть окружающей среды, а окружающая среда - часть тебя, ты уже заработаешь себе самое сильное оружие всех времен и народов. Оружие, которое никто не сможет у тебя украсть".

Сначала было трудно понять смысл сказанного, но когда Линь Саньцзю сделала неуверенный шаг в состоянии гиперсенсорики, смысл сказанного Хэй Цзэцзи дошел до нее.

Информация, переданная ей пространством за один шаг, заняла бы до десяти страниц. Поток воздуха, тепло от свечи, небольшая кучка пыли, упавшая с луча всего за несколько секунд до этого...

В этот момент казалось, что все в мире течет через Линь Саньцзю. У нее даже возникло ощущение, что она присоединилась к этому мировому потоку и отправилась с ним в путешествие, чтобы пронестись по поверхности земли.

Примерно в сорока метрах впереди ковер под королем Генрихом лежал немного наискосок. Край ковра не прилегал к полу, а несколько накладывался на другой кусок ковра, из-за чего он казался немного выше, чем другие части ковра.

"Ты уже сдался?" Король Генрих усмехнулся, его слова были полны насмешки. Однако на последнем слове он запнулся.

С тех пор как Линь Саньцзюй перестала двигаться, у него появилось мрачное предчувствие. Он не мог заставить себя доверять своей интуиции и не мог объяснить, что происходит вокруг. Как бы то ни было, если он сможет подтолкнуть Линь Саньцзюй сделать первый шаг, то сможет найти выход.

"Эй, я же сказал..."

Прежде чем он успел высказать свои мысли, женщина, которая до этого держала глаза закрытыми, вдруг зашевелилась.

Ее скорость не была ни быстрой, ни медленной, потому что он мог видеть каждый ее шаг, и в то же время она искусно завершила серию действий, прежде чем вы успели моргнуть глазами.

Используя пятку в качестве центра вращения, Линь Саньцзю раскрутила свое тело и подбросила красный ковер в воздух. Закрыв глаза, она вытянула руку и поймала ковер. Затем она выдернула руку и бросила ковер за спину.

Король Генрих не понял, что ковер, на котором он стоял, потерял нижний слой. Когда ковер медленно опустился на пол, он прорычал: "Какого черта ты делаешь?".

Даже при наличии самого точного прибора никто не мог знать, насколько упадет человек, когда ковер опустится. Такие тонкие изменения были непостижимы для другого человека, но в глазах Линь Саньцзю это было решающим фактором, который позволил ей выйти вперед в этой битве.

Это произошло потому, что она уже доказала свою догадку.

"Среди различных частей окружающей среды самым простым объектом, который мы можем переделать, является воздух", - это было третье сообщение и последнее, которое Хэй Цзэцзи произнес через бумажного журавлика. Он сказал: "Каждое движение человека изменяет поток воздуха независимо от величины силы. Неужели вы думаете, что мы, как тип Роста, можем использовать только преимущества нашего огромного роста мышц и силы, чтобы сокрушить наших противников? Знаешь ли ты, что если мы ударим по воздуху под правильным углом и с достаточной силой, то сможем произвести удивительный эффект?"

Линь Саньцзюй не ответила королю Генриху, слившись с темнотой, как темный фантом. Она легко двигалась в воздухе, вскакивая с пола. Все ее движения - и сгибание ног, и приседание, и вставание - были настолько связными и естественными, что за ними было приятно наблюдать. Они казались легкими, но в них чувствовался сильный удар. Внезапно она подняла правое костлявое крыло и запустила им в воздух перед собой.

"Ты что, ослеп..."

Прежде чем король Генрих успел закончить свою насмешку или ответить, что-то расплывчатое пронеслось мимо его глаз. В следующую секунду он почувствовал острую боль, распространяющуюся от левой ноги. Он застонал, и его тело задрожало.

Лин Саньцзюй только этого и надо было. В тот момент, когда его тело вздрогнуло от боли, руки, которые он все это время отчаянно поддерживал в воздухе, предательски опустились вниз.

Линь Саньцзюй чувствовала, что всю жизнь ждала момента, когда в [Пикассо] появится промах. Ударив каблуком по полу, она рванулась вперед. Она была очень быстрой, настолько быстрой, что даже мысли не успевали за ее сверхзвуковой скоростью.

До того, как Хэй Цзэцзи прочитал ей лекцию, ее движения не были такими плавными. Сначала она опиралась на ноги, затем на ноги, а затем наклоняла верхнюю часть туловища вперед, чтобы выпустить энергию. Это не только делало ее медленнее, но и снижало силу ее атаки. Именно поэтому Хэй Цзэцзи продолжал говорить, что ее тело двигалось с ужасающей неподвижностью.

Через полминуты король Генрих быстро поднял руки и восстановил свой [Пикассо]. К его ужасу, было слишком поздно. Битва уже завершилась.

"Почему..." Король Генрих расширил глаза, неподвижно уставившись на костяную конструкцию, пронзившую его тело. "Что это..."

Он с трудом перевел свои кроваво-красные глаза на левую ногу. Его левая ступня выглядела так, будто ее взорвали бомбой. Ботинок и половина пальцев на ноге отсутствовали. Кроме кучи крови и мякоти ничего не осталось.

"О, ты об этом", - Линь Саньцзюй уже открыла глаза. Ее янтарные глаза ярко сверкали в полумраке дворца, когда она объясняла королю Генриху: "Когда я ударила тебя ногой, я превратила воздух в шипы. Если бы ты не упал за пределы владений [Пикассо], моя атака могла бы никогда не попасть в тебя".

Хотя король Генрих понимал каждое ее слово, но на его лице появилось такое пустое выражение, какого у него никогда не было раньше.

Выдающийся нос, глубоко посаженные глаза и вьющиеся волосы, принадлежавшие европейскому мужчине средних лет, постепенно исчезали с лица Постчеловека, как отлив, и под ними открывалось пешеходное смуглое лицо.

Линь Саньцзюй не знала его имени даже после смерти.

"Игрок покинул платформу на пятьдесят две секунды. Игроку рекомендуется поспешно вернуться на платформу".

Линь Саньцзюй вздохнула и оторвала взгляд от трупа. После того, как она ступила на платформу, диктор мгновенно умолк.

После этого она достала бумажного журавлика и ответила Хэй Цзэцзи: "Спасибо. Вы просто спаситель. Я тоже только что победила нападавшего".

Закончив это несколькими простыми фразами, она выпустила бумажного журавлика. Журавлик полетел и затрепетал позади нее.

"Проклятье!" Она внутренне проклинала себя за то, что слишком быстро расслабилась после победы в битве. Она забыла, что прямо за ней стоял еще один человек.

Когда она повернула голову в сторону, ее взгляд встретился с изящным и очаровательным, как лебедь, но лишенным выражения лицом королевы Маргарет.

На мгновение ее тело напряглось. Затем, в следующую секунду, оно расслабилось. Линь Саньцзю приняла недоуменное выражение лица и посмотрела на бумажного журавлика, который, выпущенный ею для Хэй Цзэцзи, приземлился на палец королевы Маргариты.

"Я предупреждаю тебя", - по лицу королевы Маргариты скользнула прядь золотых волос, и с ее вишневых губ сорвался свирепый тон, хорошо знакомый Лин Саньцзюй, - "Если ты посмеешь кому-нибудь рассказать о том, что здесь произошло, клянусь, я убью тебя".

http://tl.rulate.ru/book/4990/2996669